

ГЛАВА I

— Распишитесь здесь, пожалуйста. — Красивые длинные пальцы с коротко стриженными ногтями ткнули в нижний угол серого листа казенной бумаги.

— Здесь? — Соня судорожно вздохнула, старательно отводя взгляд от накрытого белой простыней тела.

Самого тела видно не было. Торчали лишь босые окоченевшие ступни с ярко накрашенными ноготками и волосы, буйной волной выбившиеся из-под простыни. Сколько ни пытались приехавшие оперативники прикрыть их — ничего не выходило. Жесткие непослушные каштановые пряди упорно не желали быть спрятанными...

— Да, да, здесь! Что это вы, девушка, будто впервые труп видите! — насмешливые карие глаза равнодушно скользнули в том направлении, куда она старалась не смотреть, но все равно то и дело косилась. — Обычное же дело — смерть проститутки! Так рано или поздно они все заканчивают.

Может быть, может быть, но...

Но как-то не вязался у нее облик законченной проститутки с обликом той погибшей девушки, которую она сегодня поутру обнаружила, выгуливая Муську.

Вот ведь угораздило, а!

Все как будто ополчилось против нее! Все, включая отличную погоду, погнавшую ее сегодня на берег озера!

Ведь выгуливала последние две недели чужую беспородную Муську за забором чужой дачи совершенно бесхлопотно, можно сказать, с удовольствием! Нет же, именно сегодня, в день своего отъезда, угораздило пойти прогуляться.

Прогулялась, называется!

А может, надо было слушать внутренний голос, а?! Всегда же слушала, чего сегодня оглохла?! Что там он ей сегодня с утра шептал? Вспомнить бы, вспомнить...

Так как там все это было поутру?

Муська, как обычно, бесцеремонно ухватив край легкого одеяла, потянула его на себя, смешно по-собачьи попятилась к двери. Так, все так и было, дальше...

Она ежилась еще каких-то минуты три-четыре, не больше. Потом свесила ноги, позволила Муське потереться о них жесткой рыжей шерстью. Взяла в руки поводок, который умная псина приволокла сама. Пристегнула к ошейнику, потом...

Все правильно, потом она начала одеваться.

С полузакрытыми глазами доплелась до стула в дальнем углу, стащила с него спортивные штаны, кофту с огромным карманом на животе и капюшонном. Надела носки, пригладила пятерней волосы. Покосилась на себя в зеркало и сочла, что гриву все же надо приструнить.

Кудри, будь они неладны, приходилось напomaживать, разглаживать, вытягивать специальными щипцами. На день обычно хватало. С утра — просто

кошмар. С утра все ее усилия сводились на нет ма-тушкой-природой, волосы снова скручивались спиралью, и грива очень сильно смахивала на львиную.

Так, она убрала волосы в хвост. Надела кроссовки. Вышла из спальни и начала спускаться вниз по лестнице, на ходу увещевая Муську, норовившую запутаться в ее ногах.

Прошла через кухню, успев ущипнуть крохотный кусочек дыни. Открыла заднюю дверь. Вышла на улицу и...

И ничего! И никаких внутренних треволнений она в это утро не почувствовала! Никаких голосов, никакого шепота. Никто не предостерег, не позаботился, не обезопасил. Вот она, надышавшись до ярких кругов в глазах густого хвойного духу, позвала Муську пробежаться по берегу.

Пробежались!..

— Девушка, пройдемте со мной.

В ее локоть впились те самые тонкие пальцы с короткими ногтями, что минуту назад тыкали в серую казенную бумагу, призывая ее в ней расписаться.

Соня отвела наконец глаза от каштановых прядей, в беспорядке разбросанных по траве, и попыталась сосредоточиться на том, кто настойчиво тащил ее к милиционерскому «уазику».

И чего он, спрашивается, прицепился именно к ней?! Полно же зевак собралось, невзирая на раннее утро.

Вон и молодежь, что снимала домик через один от ее, поживаясь, выбралась на воздух. И пожилые супруги, кажется, никогда не выпускавшие из рук бидончик и плетеную корзинку, тоже здесь. И молодые, непонятно с какой блажи решившие про-

вести свой медовый месяц именно здесь, тоже подошли. Полно же народу, а он в нее вцепился.

— Почему? — удивились насмешливые карие глаза, пробивающие насквозь ее откультивированную и доведенную до совершенства выдержку. — Так с вас-то все и началось, уважаемая Софья, как вас по отчеству?

— С меня?! — она просто задохнулась от такой протокольной вседозволенной наглости. — Что вы хотите этим сказать?!

— Ничего страшного, поверьте. — Тонкие пальцы оказались очень сильными и намертво держали ее локоток, постепенно увлекая ее к машине. — Просто вы получаете у нас единственным на теперешний момент свидетелем, так?

— Я?! Свидетелем?! Так я же ничего не видела!

Соня попыталась упереться подошвами кроссовок в землю и не позволять, чтобы всякие там тащили ее непонятно куда. Но трава от утренней росы была еще очень скользкая. Ноги от длительной прогулки и неожиданного, нежданного просто-таки потрясения плохо слушались. А руки у малого были очень сильными, поэтому уже через мгновение она сидела на заднем сиденье милицейской машины и с возмущением выслушивала мягкую скороговорку карглазого оперативника.

— Понимаете, теперь нам важно знать каждую мелочь. Ведь пока вы бегали в домик за телефоном... — последовала неожиданная пауза. — Кстати, а почему вы его не взяли с собой? Ведь логично же предположить, что, отправляясь на прогулку, молодая девушка должна...

— А я вот сочла, что не должна! — фыркнула Софья сердито и отодвинула свое колено от его, та-

кого же настырного и наглого, как и его пальцы. — К тому же я не собиралась так далеко уходить.

— Почему же ушли?

— Потому что захотела! Это что, противозаконно?!

Она просто задыхалась от его нелепых вопросов. От глупой ситуации, которая вовлекла ее в непонятные протокольные разборки! Задыхалась от салонной вони, забивающей нос мужицким потом, дешевым табаком и кремом для ботинок, приторно отдающим «Тройным» одеколоном. И задыхалась еще от жалости к той девочке, труп которой нашла сегодня утром в траве.

Она не могла быть проституткой, как бы ни пытался убедить ее в этом нахальный кареглазый оперативник, представившийся Олегом Сергеевичем Снимчиковым. Не могла!!!

Не то чтобы Соня так уж часто встречала в своей жизни проституток, но...

По телевизору видела? Видела! В соседнем подъезде жила Сашка, зарабатывающая себе на жизнь как раз этим? Жила! И еще...

Ох, как не хотелось об этом вспоминать именно сегодня, как не хотелось, но что делать!

Однажды, когда по нелепой случайности Соне пришлось провести целую ночь в обезьяннике, она их видела там — этих женщин. Не одну и не две, а целую бригаду. Результат рейда, как отрапортовала одна из них, то и дело сплевывая на и без того загаженный пол. Соня провела целую ночь бок о бок с проститутками. Слышала, о чем они переговариваются. О чем горюют, чем озабочены всерьез, а чем так себе, не особо заморачиваясь.

Короче, представление имела, что конкретно собой представляют дамы древнейшей профессии.

Найденная ею убитая девушка не была похожа ни на одну из них!

— А на кого, по-вашему, она похожа?

Олег Сергеевич на какое-то время зажмурил свои насмешливые глаза.

Господи, ей сразу стало легче дышать! И это, проходя — как он изволил выразиться — по делу свидетельницей! Что было бы, заподозри он ее хоть в чем-нибудь?! Да он бы испепелил ее своим сарказмом, он пробивал бы брешь за брешью в ее самообладании и путал бы, и навязывал свое мнение, и ставлял бы в него поверить...

Вот опять он, едва распахнув глаза, сразил ее наповал очередным гнусным вопросом:

— Откуда, позвольте поинтересоваться, у вас такое знание, как именно должна и может выглядеть путана, уважаемая Софья, как вас по отчеству, все забываю?

— Не позволю, — огрызнулась она и тут же забила в угол, поближе к двери и подальше от его вездесущих глаз и коленей. — Не позволю вам поинтересоваться, уважаемый Олег Сергеевич, помню все же ваше отчество, представляете!

Кажется, ей удалось его смутить. Правда, ненадолго. Он очень быстро нашелся и снова ее уколол, или как там на их профессиональном языке это называется.

— Вы сказали мне, что собака не ваша, так?

— Допустим.

— Дача тоже, стало быть, не ваша? Та самая дача, откуда вы поутру выбрались прогуливаться с чужой собакой? Я правильно понял ваши слова? —

Теперь Олег Сергеевич смотрел не на нее, а в окно на толпу зевак, будто выбирал себе новую жертву.

— Правильно, дача не моя. Собака тоже не моя. Но я не выбиралась оттуда, а... А просто вышла через дверь.

— Через которую? В том доме, насколько мне известно, два входа. Тот, что ведет с крыльца. И тот, что...

— ...с кухни, да, правильно! Через нее — через заднюю дверь — я и вышла, а не выбралась, подчеркиваю, выгуливать собаку.

— Как вы там оказались? Почему вы жили в отсутствие хозяев на чужой даче и выгуливали при этом чужую собаку? У вас имеются при себе документы, удостоверяющие вашу личность и удостоверяющие ваше право на проживание в чужом доме?

Его вопросы сбивали ее с толку, они были слишком двусмысленными и, как ей казалось, заведомо пытались обвинить ее в чем-то. И на какой-то момент ей даже стало страшно. И пришлось глухое раздражение на саму себя, рьяно кинувшуюся выполнять дурацкий свой гражданский долг.

Ну, нашла она мертвую девушку, и что с того? И ведь даже не сама нашла, а Муська, которая принялась лаять на чью-то босую ногу, выглядывающую из травы по щиколотку. Была бы умной, взяла бы собачку на руки. Не полезла бы в траву. Не помчалась бы потом на дачу за мобильником и не стала бы, путаясь в кнопках, набирать номер службы спасения.

Она все сделала, как надо. Так она тогда считала. Вызвала милицию. Вернулась на место, где обнаружила труп. И проторчала там потом еще минут сорок, пританцовывая от нетерпения и ужаса.

Дотанцевалась, что называется!

— Удостоверение личности у меня имеется, но оно в доме! На даче, то есть! — выпалила Соня с обидой.

— А почему не с собой? — задал очередной нелепый, на ее взгляд, вопрос Олег Сергеевич и снова глянул так, что затошнило.

— А у кого хватит ума, отправляясь гулять с собакой, хватать в полшестого утра с полки паспорт? — возмутилась Соня. — К тому же мы с Муськой всегда гуляли возле забора под соснами, а сегодня...

— Да, именно! — Ох, как он обрадовался, даже разулыбался от удовольствия, что уличил ее хоть в чем-то. — Что же сегодня погнало вас к озеру? Это, если не ошибаюсь, почти полтора километра, а? И как насчет документов, удостоверяющих право...

— Послушайте, Олег Сергеевич!

Все, ему все же удалось лишить ее самообладания, которое она укрепляла в себе, пестовала и подпитывала любым уроком, преподносимым ей жизнью. Все моментально изничтожил этот протокольный тип с веселыми, казалось бы, карими глазами. Все перемешал и переиначил.

— Послушайте, Олег Сергеевич! — снова повторила Соня, уже с трудом сдерживая слезы. — Какое может быть удостоверение, подтверждающее личную дружбу, а?! В каком таком органе выдают справку, что такой-то или такая-то очень привязаны друг к другу и...

— Вы привязаны к Анне Васильевне?! — Он сделал удивленное лицо, продолжая пододвигать свои крепкие коленки к ее. — Поверил бы, будь вы подругой ее дочери! Но Анна Васильевна и вы — подруги? Не верю, уважаемая Софья...

— Андреевна! — выкрикнула она с чувством; все, она его уже почти ненавидела. — Андреевна мое отчество, которое вы все никак не можете запомнить! Можете не верить, но Анна Васильевна очень ко мне привязана! Потому что... Потому что...

И она совершенно не к месту расплакалась!

Зачем было показывать свою слабость и боль, утихшую пару лет назад? И перед кем?! Перед этим сухим, бесчувственным и надменным типом, прикрывающимся милой смешинкой в карих глазах!

Разве есть ему дело до того, что случилось уже давно? У него тогда и звания-то наверняка никакого не было. Ни звания, ни опыта, ни умения задавать свои выворачивающие душу вопросы. Только все перечисленное и бывает нажитым. Все остальное...

Все остальное нужно пережить, вымучить, выстрадать и постараться забыть со временем.

— Софья Андреевна, успокойтесь, прошу вас, — усталым голосом попросил Олег Сергеевич, и ей на ладонь белым лепестком упал бумажный носовой платок. — Вытрите глаза и давайте все снова, по порядку.

— Я уже все рассказала вам, — возразила она гнусаво, зажав нос платком. — Я пошла гулять с Муськой! Погода была прекрасная. Сегодня мне надо было уезжать. И я решила пойти прогуляться напоследок. И пошла напрямик к озеру. Ну, нравится мне это место, что здесь такого, не пойму?!

— Да нет, ничего, — с поразительной покорностью согласился Олег Сергеевич. — Что дальше?

— А дальше...

Тут она внезапно насторожилась. Вдруг забылось ко всем чертям, в какой именно последовательности она рассказывала ему об этом в самый пер-

вый раз. Тогда, когда он только выпрыгнул едва ли не на ходу из этой вот самой машины и пошел к ней, тревожно осматривая все вокруг.

Как именно она рассказала ему тогда обо всем?! Что сначала, а что потом?! Ведь сейчас привяжется к деталям и снова начнет выворачивать душу наизнанку, перекраивая на нужный ему лад все реалии.

— А дальше... Дальше я, кажется, смотрела на воду. А Муська вдруг принялась громко лаять. Я пошла к ней. Смотрю, нога. Я полезла в траву, а там... Я побежала в дом за мобильником, позвонила вам. Вы приехали, и... и началось!.. Что вы ко мне пристали, не пойму?! Разве я что-то не так сделала?!

— Все вы сделали так, Софья Андреевна, — перебил он ее с непонятым чувством, какая-то человечность, что ли, проскользнула на этот раз. — Все так... И если бы не...

— Что? — Соня посмотрела все же на него.

— Вы хорошо рассмотрели погибшую? — вопросом на вопрос ответил Олег Сергеевич.

— Нет! Я и вовсе на нее не смотрела! Точнее... Лица... Лица я не видела... Одежду рассмотрела очень хорошо, все чистенько, дорого, стильно, поэтому я и решила, что погибшая...

— Не проститутка? — закончил он за нее, потому что Соня внезапно замялась, слишком часто за минувшие томительные минуты она произносила это непростойное слово.

— Ну, да!

— А лица вы не видели?

— Нет.

— Потому-то и не узнали, очевидно. — Он снова прикрыл глаза.

— Не узнала кого?

— Дочь Анны Васильевны, — коротко ответил оперативник и впился в нее взглядом без намека на улыбку.

— Таню??? Вы хотите сказать, что это... Там... — Соня принялась тюкать пальчиком по оконному стеклу милицейской машины в том самом направлении, где распластался на траве под белой простыней труп неизвестной девушки. — Что там лежит Таня?! Вы это хотите сказать?!

— Именно, уважаемая Софья Андреевна. — Олег Сергеевич глубоко вздохнул. — Та самая Татьяна, которая уже как четыре года числилась без вести пропавшей. И та самая, чье место подле Анны Васильевны с некоторых пор заняли вы. А теперь давайте подумаем вместе, что у нас с вами получилось, и попытаемся вспомнить, как и при каких обстоятельствах вы видели погибшую в последний раз...

ГЛАВА 2

Танюша Сочельникова всегда была ее подругой. Сколько себя помнила Соня, столько она помнила рядом с собой Танюшу. Они так долго, так тесно и так преданно дружили, что со временем их стали принимать за родных сестер. Обе рыжеволосые, обе длинноногие, с удивительными голубыми глазищами. Правда, волосы у Сони вились от природы, а Танюшка вечно мучилась с бигуди.

Детский сад, школа, институт с замороченной специальностью химической технологии полупроводниковых металлов, который Соня закончила блестяще, а Танюша...

Взяла и оборвала учебу на третьем курсе. Ни причины, ни объяснения, ни просто мало-мальски

толкового разговора по этому поводу у Тани с матерью не состоялось.

Анна Васильевна Сочельникова — женщина от природы властная, удачливая и не в меру своей половой принадлежности деловая — пребывала в глубоком ступоре почти полгода. А через полгода решила вдруг по непонятной причине отселить от себя дочь в другую квартиру.

— Пускай поживет одна, прочувствует, почем фунт изюма, тогда вот и поговорим! — рокотала она под сводами собственной двухуровневой квартиры, тыча в Соню пальцем. — Ты ей не пример, оказывается! Ты не так красива и удачлива, получается! А она!.. Она хочет крутить задницей всю жизнь?! Думает, что это будет помогать всегда?! Вот и поглядим, что из этого выйдет!..

Ничего путного из этого не вышло. Ничего!!!

Танюшка поначалу идею матери восприняла с радостью. Щебетала, собирая вещи. Прыгала по новым комнатам, благо мать не поскупилась и купила ей «трешку». С воодушевлением носилась вместе с Соней по магазинам, скупая цветочные горшки, ненужные панно и плакаты с глупо улыбающимися красавицами. И даже новоселье устроила. И готовили они по старой дружбе вместе. И плова было много, пельменей, которые вручную лепили два дня подряд, закусок, колбас и сыров. Водки почти не было. Было что-то другое, отчего новые друзья Татьяны, после очередного захода в ванную, становились все веселее и веселее. Что это было, Соня поняла много позже. В тот вечер ей было не до этого. Она майской пчелой носилась от огромного стола в гостиной на кухню и обратно, меняла тарелки, подкладывала новые порции уже съеденных блюд, потом

мыла, чистила, развешивала выстиранные полотенца. И ничего почти не замечала.

Излишней задумчивости подруги Соня нашла объяснение, оказавшееся очень выгодным для них обеих.

Соню оно избавляло от лишней головной боли — и так устала.

Татьяну избавляло от лишних объяснений, которые она так не любила.

Расстались, как всегда, обнявшись, расцеловавшись и обещая друг другу не пропадать, звонить, забегать, заходить.

Что Соня первое время и делала исправно. Звонила, заходила, забегала, даже если катастрофически не хватало времени. Не беда! Она же обещала не забывать любимую подругу! Она и не забывала. Она все и делала так, как обещала. Правда, со временем все чаще отделялась одними звонками.

Ну не хватало этого проклятого времени! Хоть убей, ни на что не хватало!

Родители постоянно требовали внимания к себе. Опять же новое знакомство, которое казалось на тот момент весьма перспективным. Защита диплома. Распределение, которое нужно было еще заработать. А чтобы заработать, надо было себя зарекомендовать.

Тянулась из последних сил, не замечая, как стремительно листается настенный календарь.

Вдарило по тормозам в тот самый день, когда перспективный со всех сторон молодой человек по имени Никита, очень выгодно тянувший на кандидатуру ее возможного спутника жизни, вдруг объявил, что уезжает в Германию. Она — идиотка наивная — так обрадовалась, что запела, закружилась,

открыла дверцу шкафа и начала швырять в остолбеневшего Никиту своими вещами.

— Это подойдет твоей Германии, а? — смеялась от счастья Соня. — А в этом я как возле Рейхстага? Подойдет?

Потом присмотрелась и поняла, что с Никитой творится что-то не то. Парень покрылся холодным липким потом, отчего его тонкая сорочка плотно прилипла к крепкой груди. Соня тут же перестала смеяться, бросаться в него юбками и кофточками, присела и спросила...

Потом много раз ругала себя. Вот не спросила бы, думала, может, и пронесло бы. Посопел бы, потел бы, а потом, глядишь, и одумался, взял бы ее с собой. А когда спросила, куда же ему было деваться! Он и ответил честно, что едет туда один. И что ее взять с собой ну никак не получится.

Она бы и ничего, подождала бы и уехала к нему, когда бы получилось, не задай ему следующего невероятно глупого вопроса.

И Никита — непорочная душа — снова ответил ей честно. Что не ответить, спросила же!

Да, мол, ждет его там франкфуртская красавица с пышной белой косой и белой пышной грудью. Шутка, конечно же, и про грудь, и про косу. Но девушка у него там была. Ждала и жаждала выскокить замуж за молодого, красивого и очень-очень перспективного.

Не вышла она за него замуж! Не срослось и не получилось у них интернациональной семьи. Никита тут же бросился опять в Россию и в ноги Соне бросился, и пенял ей и корил за то, что так торопилась с вопросами своими. Не знала бы ничего, жила бы в неведении, как бы все удачно у них сложиться могло.

Соня не простила. Она как будто умерла в тот день, когда он ей во всем признался. Превратилась в куклу-робота без чувств, без любви, без волнений, с одним лишь чувством долга. Этот долг заставил ее с блеском защититься. Устроиться на работу и проработать там по сегодняшний день.

— Буду делать карьеру! — заявила она оторопевшей Татьяне, глядя на нее сухими горящими глазами. — К черту любовь, к черту семью, всех мужиков к черту! Твоя мать прекрасно обходилась без всего этого всю свою жизнь. И смотри, какая она!!!

— Какая? — вяло поинтересовалась тогда подруга, не разделяя Сониных восторгов.

— Самодостаточная, вот!!! Ее ничто не способно сломить, у нее все есть! Она обо всем позаботилась! Мне, если честно, очень хочется быть такой, как она. Она ведь... Она ведь, Танюша, если подумать, очень хорошо защищена от боли всем тем, что создала! Защищена...

Это была их последняя с подругой встреча. Самая последняя. Больше она не видела Таню... живой. Оказалось, что сегодня увидела мертвой, но не рассмотрела, не узнала.

— Вы мне не верите?! — ужаснулась Соня, глядя в макушку Олега Сергеевича. — Вы мне не верите? Почему?!

— Давайте поговорим об этом в отделении, хорошо? — промямлил он как-то неуверенно и полез из машины. — Вы подождите меня. Никуда не отлучайтесь.

— А... а как же Муська?! Мне ее можно будет забрать? — переполошилась сразу Соня, вспомнив про забытую всеми собаку, чей отчаянный лай по-

сил ся сейчас по поляне перед озером. — Что с ней будет?

— О ней позаботятся, не беспокойтесь. Здесь есть соседи Анны Васильевны, они за собачкой присмотрят. А вы посидите пока в машине, Софья Андреевна. И не поднимайте шума, я вас очень прошу.

И Олег Сергеевич, выбравшись из машины, громко захлопнул за собой дверь. Словно приговором пригвоздив ее стуком этой захлопнувшейся двери. Словно уже обвинил.

Так! Стоп! Ее что же — арестовывают?! О, господа, нет! Это неправильно! Это же несправедливо! Она же не виновата ни в чем! Она ведь только... Только собаку вышла поутру выгулять. И совершенно случайно наткнулась на труп молодой девушки, с чего-то вдруг оказавшийся трупом ее пропавшей без вести подруги.

Соня выглянула в окно милицейского автомобиля, который ей категорически запретили покидать.

Народу собралась тьма-тьмущая. За понурыми головами пожилых пенсионеров, тех, что не расставались с бидоном и плетеной корзинкой, уже маячила голова Виктора Гавриловича — соседа Анны Васильевны по огороду. И голова эта то и дело сокрушенно покачивалась из стороны в сторону. Внуки его прибежали — два сорванца-близнеца, обладающие уникальной способностью разносить новости по дачному поселку со скоростью, опережающей средства массовой информации. Молодая вдова какого-то бизнесмена, застреленного прямо у нее на глазах полгода назад, почти вприпрыжку подбежала к толпе и тут же ухватилась за сердце, очевидно, услышав новость из первых уст. И народ все подходил и подходил. Охали, ахали, всплескивали руками, ко-

сились в сторону накрытого простыней тела, и еще в сторону милицейского «уазика» косились тоже.

Вот ведь! Теперь ни за что ни про что запишут в преступницы! Пока еще разберутся. Пока еще выяснят, кто убил, за что убил.

А так хорошо утро начиналось.

Муська... Бедная осиротевшая Муська, неизвестной породы неизвестных родителей, подобранная Анной Васильевной на улице перед собственным подъездом, разбудила ее, как обычно. Стянула с нее одеяло. Притащила ей свой поводок, выволокла ее почти спящую на улицу. Побегала вокруг всех сосен, мягко пружиня маленькими мохнатыми лапами по опавшей, слежавшейся десятилетиями хвое. Задирала то и дело хитрую лисью мордочку вверх, то ли слушала шорох пушистых сосновых веток, то ли солнце высматривала, пробивающееся сквозь островерхние макушки. И все смотрела и смотрела на Сою с непонятным призывом. Словно подначивала пойти прогуляться к озеру.

Они и пошли. Долго шли, не торопились. Муська — умная собачка — не стремилась забежать вперед, трусила тихонько сбоку. Словно понимала, что это последняя их совместная прогулка. Последняя...

Какой тяжелый смысл таит в себе это длинное злое слово! Сколько в нем безысходности и никакой надежды! Абсолютно никакой!

Почти последняя встреча с Никитой. Когда он добросовестно, потев и волнуясь, отвечал на ее нелепые ненужные вопросы, попутно перечеркивая все надежды на их совместное счастливое будущее. Потом была еще одна, но она не в счет. Их будущее со счетов уже было сброшено.

Последняя встреча с Татьяной, когда она...

Ох, как было снова тяжело вспоминать об этой встрече. Как тяжело!

Она же — чертова кукла-робот — ничего не понимала тогда, ничего не рассмотрела и не заметила. Полностью погруженная в собственные проблемы, сосредоточенная на программе самореализации с последующим самоутверждением через самодостаточность, она не заметила, что с Татьяной творится неладное.

Вялый разговор, неопределенное пожимание плечами. Неряшливый вид, чего никогда прежде Таня не могла себе позволить. Странно выглядела и заметно опустевшая квартира, не было даже занавесок на окнах. И цветы, те самые, которые они скупали в самом начале охотки и расставляли на широких подоконниках, тоже исчезли. Будто... Будто она не собиралась больше жить в этом доме.

Она там больше и не жила. Она просто-напросто исчезла, испарилась, успев переписать свою квартиру на каких-то странных людей со странной фамилией Осипиани.

Анна Васильевна потом долго с ними судилась, пытаясь вернуть недвижимость, пытаясь обвинить их в странном исчезновении дочери, ничего не вышло. Люди оказались вполне приличными. На момент исчезновения Татьяны в неизвестном направлении находились в Москве на научной конференции каких-то очень сложных наук.

Милиция, побившись с месяц, начала Анну Васильевну избегать. В конце концов ей посоветовали нанять частного детектива. Та совет приняла буквально и все последующие два года только и делала, что выбрасывала деньги на ветер. А потом, в какой-то непонятный момент, вдруг смирилась, затихла и

не бушевала больше и не сотрясала в воздух кулаками, не обвиняла неизвестных злоумышленников и органы правопорядка, не желающих — по ее мнению — добросовестно выполнять свою работу.

Затихла и спустя какое-то время все свое внимание, любовь и неизрасходованные средства вдруг перенаправила на Соню.

Ох, как ей это не понравилось, кто бы знал! Как ее это тяготило! Удручало и делало зависимой, но...

Но Анна Васильевна и слышать ничего не хотела.

— Ты одна у меня осталась, Сонечка. Одна! Ты очень похожа на Танюшу. Вы любили друг друга, как родные сестры. Так что будем считать, что ты моя вторая дочь. Я так устала от неизвестности, от постоянного ожидания, от сотни трупов, которые мне пришлось опознать за эти годы. Все! Хватит, девочка моя! Хватит!!! Я решила так, раз Танюша пропала и так долго не появляется, то... Значит, ее больше нет в живых. Но мы-то с тобой живые люди, нам с тобой и продолжать жить. Вот мы и станем это делать с тобой сообща.

Этот разговор состоялся у них с Анной Васильевной около двух лет назад, ровно через два года после того, как пропала Татьяна.

ГЛАВА 3

Снимщиков Олег Сергеевич очень любил, когда на службе его называли по имени-отчеству. Пусть не созрел годами, пусть в звании солидном пока не состоял, но положением уже каким-никаким, но обзавелся. Какой тут, к чертям собачьим, может быть Олег?! И уж тем более Олежа!

Он еле-еле выползти сумел из этого имени, шлейфом тянувшимся за ним с самого детства, когда мать на весь двор кричала из окна:

— Олечка, домой!

Потом Олечкой он был в школе, потом в ПТУ, едва не стал им в институте, спасибо армии, сумела разбавить суровостью будней ласкающий слух буквенный набор.

Да, огрубел. Да, перестал быть нежным. Ну так со всеми таким быть и необязательно. Раньше был таким с матерью. Теперь же...

Теперь у него тоже появилось, куда растратить свою нежность, но только никакого отношения это к его работе и к его друзьям не имело. Это особая статья расходов запасников его души, и вход туда многим воспрещен. Если не всем!

Он превратился в Олега Сергеевича не как-то вдруг и не сразу. Пришлось поработать над этим изрядно. В ход пускал все, что мог, вплоть до неожиданной глухоты, когда его окликали по имени. Многие недоумевали, некоторые обижались, но со временем свыклись с мыслью и иначе как по имени-отчеству его не называли.

Вот и сейчас, заходя в кабинет к начальнику с докладом о вчерашнем утреннем происшествии в загородном поселке, он в который раз был приятно удивлен, услышав:

— А-аа, Олег Сергеевич, входи, входи, изложи, так сказать, суть да дело.

Веретина Игната Степановича второй год безуспешно пытались спровадить на пенсию. Мотивов была масса.

И годы немалые, и хватка не та, и попуститель-

ством в своем РОВДе занимается, вплоть до того, что его подчиненные в рабочее время в банях с красотками прохлаждаются.

Но одно дело хотеть, а другое мочь! С последним было как-то не очень, ибо в зятях у Веретина, говаривали, сам региональный прокурор значился.

Вот и отсиживал Игнат Степанович в своем кресле тот самый срок, который сам для себя определил и который ему региональный прокурор затребовал. Это он так шутить любил. И какие бы доносы наверх ни строчились, Веретину все было нипочем.

— Пускай пишут, — как-то шепнул он доверительно Снимщикову. — Мне на их писанину плюнуть и растереть. Когда сам решу, тогда и уйду!

Пока не решал...

Олег прошел по ковровой дорожке к столу Веретина, выдвинул стул с высокой спинкой, сел и тут же без лишних слов принялся подсовывать начальству протоколы осмотра места происшествия, заключение экспертов и опрошенных свидетелей по делу.

— Че ты мне всю эту макулатуру суешь, понимаешь, Олег Сергеевич! — притворно возмутился Веретин. Не мог он начать сердиться с самого утра, к вечеру — всегда пожалуйста, а с утра не мог. — Ты давай в двух словах и поконкретнее. А то пока я очки найду, пока прочту все, глядишь, и обед наступит. А у меня сегодня дел невпроворот. Говори!

Такой подход к делу не был профессиональным, но был особенно любим Снимщиковым. Когда начальство желает тебя выслушать, когда ему интересна твоя точка зрения, это очень даже неплохо.

Это очень даже замечательно! Лишь бы слушало, а точек зрения у него, как...

— Дело простое, — пожал крепкими плечами Олег и потыкал указательным пальцем в один из листков. — Погибшая Татьяна Сочельникова.

— Погоди, погоди! — неожиданно перебил его Игнат Степанович. — Это уж не та ли Сочельникова, которую мамаша объявляла в розыск?!

— Она самая, — кивнул, Олег, внутренне пораженный памяти без пяти минут пенсионера. — Только, как понятно теперь уже, не пропадала она никуда, а просто в бегах была. Честно сказать, от такой мамаша убежишь!

— Что да, то да. Зверь баба. — Веретин ощути-мо скрипнул зубами. — Сколько крови мне испортила, как вспомню!.. Влиятельная чертовка. Из-за нее меня едва-едва не... того, короче. Так и что там у нас с этой пропащей душой?

— Обширное кровоизлияние в мозг в результате удара тупым предметом в область затылка.

— Предмет нашли?

— Никак нет, Игнат Степанович. — Олег потупился, зная, как любит раскаявшихся Веретин. — Там озеро в паре метров от места, где нашли тело. Закинуть туда можно все, что угодно. Наверняка коряга.

— Да, а то че же! — по-стариковски поддакнул Веретин, залез в стол, достал оттуда коробку леденцов, закинул щепоть себе в рот и захрустел, приговаривая: — Станут заморачиваться, что ли? Преступник, он же умный сейчас пошел. Ударь он битой или чем-нибудь потяжелее, вмиг найдем. И в озере найдем. А коряга... Лежит она себе на дне и лежит,

водичкой обмывается. И искать, думаю, смысла нет. Там небось этих коряг! Кто обнаружил погибшую?

— Думаю, тот, кто и убил. — Олег загадочно улыбнулся. — Дело только поначалу кажется запутанным. На самом-то деле все очень просто. Жили-были две подруги Таня и Соня.

— Так.

Веретин захрустел следующей партией леденцов, внимательно слушая молодого оперативника.

Тот ему не то чтобы очень уж нравился, просто спустили сверху указание о покровительстве, он и под козырек. А кто, что да почему, его это мало заботило. Ему бы еще годик-другой в своем кресле продержаться, а на все остальное ему глубоко плевать.

— Таня имеет крутую маму, у Сони самые заурядные родители. Потом вдруг Таня исчезает. Мать ее долго и безутешно страдает, но в какой-то момент вдруг начинает понимать, что жизнь продолжается, и всю свою нерастраченную любовь обращает на подругу своей дочери.

— Та-аак. — С этого момента Веретину вдруг стало интересно слушать. — Так-так-так, и?

— И она начинает всячески покровительствовать этой самой Соне. Вывозит в свет, покупает дорогие подарки. Слышал, что готовится покупка квартиры. И про наследство вроде бы Анна Васильевна разговор вела, — зловеще понизив голос, проговорил Снимщиков.

— Это кто же говорит?

— Сосед по даче Сочельниковой. Есть там такой Виктор Гаврилович, презабавный дед. Так вот он ребятам и поведал, что будто бы Анна Васильевна

собиралась буквально на днях оформить все свое имущество на эту самую Софью Андреевну.

— Ага! Понял, куда ты клонишь, мальчик!!! — обрадовался Веретин Игнат Степанович, почесав макушку.

Снимщиков, невзирая на непонятное покровительство, все же был толковым малым. Каждое порученное ему дело почти всегда доводил до ума. В тесной сцепке с прокуратурой работал, ни с кем не собачился, опыта набирался, внимательно слушал и не грубил. Если окажется, что крыша у него и в самом деле ого-ого, то можно будет со временем пацану свое кресло уступить. А кого еще ставить?! Одни дураки и алкоголики, брошенные женами. Сброд просто, а не отделение!..

— Хочешь сказать, что Соня эта, встретив на узкой дорожке перед озером внезапно воскресшую подружку, решила быстренько ее отправить обратно в небытие, чтобы завладеть всеми благами, которыми собиралась ее осыпать Анна Васильевна Сочельникова? — не переставая хрустеть леденцами, быстро вынес вердикт Веретин.

— Точь-в-точь! Игнат Степанович, вы просто гений! — польстил начальнику Снимщиков, обрадовавшись тому, что его точку зрения, кажется, разделяли, одобряли и принимали за версию. — Никто из обитателей близлежащих домов в такую рань никогда не выходил. Это утро не стало исключением. Постороннему пробраться на территорию поселка практически невозможно. Территория охраняемая, со шлагбаумом, охраной, собачками, все как положено. Никто в то утро, кроме Софьи Андреевны, по берегу не шел, не гулял, не купался. Выходит — она!

— А она что, эта твоя Софья Андреевна?

— Отпирается, конечно. Говорит, последнее утро решила прогуляться по берегу с собачкой. Только вранье все это, Игнат Степанович! — пылко воскликнул Олег и потыкал тонким пальцем несостоявшегося музыканта в следующую бумажку, лежащую у него под локтем. — Каждое утро выгуливала возле домика, под соснами, а тут вдруг ни с того ни с сего помчалась на озеро. И мобильник с собой не взяла будто бы! Ладно паспорт, тут я еще поверю, но чтобы выйти без телефона на улицу и уйти за полтора километра от калитки на незнакомой территории... Не верю, хоть убейте! Врет она!

— И мотив налицо, — обрадованно подхватил Веретин. — Готовь бумаги для прокуратуры и... Слушай, Олег Сергеевич. Ты ведь, кажется, в отпуск просился?

— Просился, — кивнул Снимщиков, внутренне замирая. — А что? Проблемы?

— Да вот думаю, спихнем это убийство пропащей Сочельниковой, и можешь смело топать в отпуск. Как тебе, устроит?

Веретин нарочно называл Сочельникову не пропавшей, а пропащей, все никак не забывались ему неприятности двухлетней давности. Когда столкнулись поверх его головы несколько влиятельных особ, отстаивая кто своих протезе, кто свои интересы. Еле-еле тогда удержался в этом самом кресле, аж штаны задымились, настолько близок был к увольнению.

— Конечно, устроит, Игнат Степанович!

Снимщиков так обрадовался, что аж с места вскочил, еще минута-другая, и точно полез бы к Веретину с поцелуями. Вовремя вспомнил о субordi-

нации и о том еще, что давно огрубел, давно перенаправил свою нежность со всего неблагодарного человечества в одно-единственное русло. Но руку все же протянул начальнику и тряс ее потом непозволительно долго, то и дело повторяя:

— Очень признателен, очень, Игнат Степанович! Спасибо вам! Огромное спасибо! А с убийством Сочельниковой, думаю, никаких проблем не будет! Препью же дело в прокуратуру отдавать, я с этой Софьей Андреевной лично поработаю.

— Уж поработай, Олег Сергеевич, уж поработай, — коротко улыбнулся Веретин, вспомнив о карцере в подвале, куда они обычно направляли молчунов.

Снимщиков вышел из кабинета Веретина едва не вприсядку.

В отпуск! Сейчас!!! О таком щедром подарке мечтать даже не приходилось! Ему же теперь весь отдел обзавидуется. Снова шептаться начнут за его спиной.

Не успел прийти, сразу звание! Не успел толком поработать, тут же отдельный кабинет. Пускай и небольшой, прямо-таки крохотный, но все же отдельный.

Ну и пускай шепчутся, пускай злословят, ему от этого жарко, что ли? Жарко будет через недельку, когда он на острова отправится со своей...

Вот только стоило вспомнить о Таисии, как обдало теплой волной изнутри, и сразу засмеяться в полный голос захотелось.

Тая, Таечка, Таисия...

Любимая его, нежная его девочка! Как же он любил ее, жаждал, лелеял! Только она после смерти его матери занимала то самое место в его сердце,

которое отвечало за нежность, ласку и, наверное, любовь.

Да, несомненно, он ее любил! А как иначе, если думал о ней все время. Если постоянно ждал встречи с ней. И еще... Ему было очень удобно с ней, очень. Удобно и бесхлопотно.

Снимщиков вернулся в свой кабинет, больше напоминающий собой кладовку. Уселся за стол и тут же потянулся к телефону. Набрал, почти не глядя, знакомый номер и тут же замер с трубкой возле уха.

— Алло, — пропела Таисия мило и заспанно. — Алло, слушаю вас.

— Привет, — пробормотал Олег севшим до хрипоты голосом.

Постоянно вот так. Стоило ему ее услышать, как с голосом творилось черт-те что. Наверняка та самая нежность была тому виной, которую он испытывал к милой своей девочке. Второй ведь такой не было на всем белом свете.

— Олег! Ой, привет! — проворковала милая. — Который час? Я что-то разоспалась, даже не слышала, как ты уходил. Как дела?

— Дела? Дела, думаю, просто отлично. — Он улыбнулся, живенько представив ее в их общей постели.

— Да? А в какой связи? — Таисия звучно зевнула и закончила сквозь неоконченный зевок: — Повышение или как?

— Про повышение пока речь не шла, а вот про отпуск начальство заикнулось, — осторожно начал Олег.

Давить на нее было нельзя. И раньше времени рассказывать о том, какие у него планы на этот самый отпуск, тоже. Пусть это будет для нее сюрпри-

зом. Глупо же, согласитесь, рассказывать любимой женщине о том, что задумал на каком-нибудь солнечном берегу сделать ей предложение. Какой же это сюрприз, если она все будет знать заранее?

Нет. Он не скажет ей, как давно и как долго вынашивал в голове эту идею. Как сотни раз представлял себе тот самый вечер, перебирая множество вариантов.

Либо они выйдут в море под парусом. И когда земля уже скроется из глаз и они останутся совсем одни, он, волнуясь, достанет из кармана заветную коробочку с заветным колечком и скажет ей наконец те самые слова, которые, он был уверен, ждет с нетерпением каждая женщина.

Это должно было быть непременно очень красивым и запоминающимся на всю жизнь.

Белоснежная палуба. Мягкие волны, едва ощущимо плескающиеся о борт парусника. Низкое небо, унизанное миллионами звезд, и ее глаза, сияющие от счастья в тот самый момент, когда она скажет ему «да».

А если не будет парусника, тогда пускай будет уединенный столик в ресторане под открытым небом с такой же сумасшедшей россыпью светил, до которых, кажется, рукой подать, стоит только захотеть дотянуться. И снова ее сияющие от невероятного счастья глаза и короткое «да» в ответ...

— Отпуск? — Таисия неожиданно озадачилась. — Ты хочешь в отпуск, милый? Прямо сейчас?

— Да. Хочу, — признался он и рассмеялся ее удивлению. — А кто не хочет в разгар бархатного сезона! Каждый, кого ни спроси!

— Вот ты и спросил бы, — пробормотала Таисия, как-то не очень обрадовавшись.

— Да? А у кого? — Он все еще продолжал улыбаться, не почувствовав перемены в ее настроении.

— У меня для начала! — Ее голос повело на резкость. — Спросил бы, милый, для начала у меня, а хочу ли я сейчас в отпуск? Какие вообще у меня планы на ближайшие дни, недели, месяцы?

— Ну... Спрашиваю... — Он внутренне содрогнулся от непонятной перемены в ней. — Спрашиваю, милая, какие у тебя планы на ближайшие дни, недели, месяцы?

— Планов у меня очень-очень много, дорогой, — чуть сбавив обороты, проговорила Таисия и вздохнула. — И все они напрямую связаны с тобой.

— Вот и у меня тоже, — осторожно начал Снимчиков, но она снова перебила его.

— В мои планы сейчас совершенно не вписывается никакой отпуск, Олег, — тоном старой училки назидательно проговорила Таисия и чем-то зацокала в трубку, будто указкой по доске постучала. — Все мои планы сейчас — это твоя карьера, милый! Карьера!!! А это прежде всего работа! И никакого отдыха, отпуска, безмятежного переворачивания с боку на бок на солнце. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, но... Но не совсем.

Он не на шутку озадачился ее разговорами о карьере. Он, конечно же, за карьеру, да. Причем двумя руками! И работать он готов, что, собственно, и делает с утра до ночи. Но ведь и отдыхать тоже когда-то надо. А если отдых напрямую связан с его планами на ее руку и сердце, то, как говорится, сам бог велел.

Где еще, спрашивается, он может сделать ей предложение подобного рода? На водонапорную городскую башню затащит и скажет: «Представь, ми-

лая, что мы в Париже!...» — так, что ли? Или в один из местных ресторанов поведет, где его и ее, кажется, всякий знает. И этот всякий непременно будет таращиться в их сторону и наблюдать за тем, как он достает из кармана коробочку темно-вишневого бархата...

Нет, нет, нет!!! Это отвратительно до пошлости. Он так не хочет. Он хочет, чтобы непременно было красиво, чтобы запомнилось и передавалось из уст в уста, из поколения в поколение. Чтобы это стало со временем их семейной реликвией, легендой — это славное, красивое воспоминание.

— Что ты не понял, Олег? — снова резко заметила Таисия.

— Я не понял, что ты имеешь в виду, говоря о моей карьере.

Он совершенно размяк и расстроился и оттого, как она с ним говорила, и оттого, что все его планы, кажется, летят в тартарары. К тому же каким идиотом он будет выглядеть в глазах Веретина Игната Степановича? Просил, просил отпуск, а потом вдруг решил отказаться? Что за детский сад, подумает он, и правильно, между прочим, подумает.

— И никакой не детский сад! — возмутилась Таисия. — И твой Веретин, между прочим, пускай бога и зятя благодарит, что столько времени переработал. Пора пришла...

— Пора какая? Для чего пришла? — насторожился Снимщиков и с опаской покосился на дверь.

Не любил он подобных разговоров в рабочих стенах по телефону, не любил. Мало ли, у чего и у кого есть уши! Но слишком уж заинтриговала его Таисия, чтобы он сейчас так вот сразу соскочил с этой темы, оставив ее до вечера.

— Пора уступить кресло молодым и крепким, милый, — с многозначительным смешком пояснила Таисия. — Как думаешь, кого я имею в виду? Не догадываешься?

— Нет, — соврал Олег, хотя сразу догадался, о ком речь.

О нем! Речь шла именно о нем! Его желает протащить будущий тесть в начальствующее кресло, потеснив Веретина.

Вот так так! Вот это новость! Ради такой новости можно и отдыхом на золотых песках пожертвовать.

Тонкая струйка пота резво сбежала по позвоночнику под брючный ремень. И спине тут же сделалось холодно.

— Таечка, милая, давай до вечера, а? — взмолился он, потому что она вдруг принялась развивать тему его скорого назначения, не особо церемонясь в выражениях в адрес нынешнего начальника. — Не нужно такие вещи по телефону, хорошо?

Если она и обиделась, то никак этого не показала. Напротив, промурлыкала что-то милое и трогательное срывающимся шепотом. Вот за это, кстати, он ее тоже ценил.

Закинув руки за голову, Снимщиков оглядел свой кабинет уже совершенно другим взглядом.

Конечно, он был тесноват. Вырос он из этого кабинета по всем показателям, хотя и работал недавно. Что это за каморка — два на два метра! У некоторых раздевалка свободнее, чем его рабочий кабинет. Взять его тестя, к примеру.

Здесь только и хватило места для его рабочего стола со стулом да стула для посетителей. Конвойному иногда пристроиться негде, особенно если тот

бывал габаритным малым. Вот кабинет начальника — это да! Там было где развернуться.

Ай да Таечка! Ай да молодец!

Он ей еще, собственно, никто. Не муж еще даже, а она уже о его карьере печется. Причем о какой карьере!

Теперь Олег точно был уверен, что она ответит ему «да». И даже яхты, плавно бредущей в мягких волнах, не понадобится. И низкого неба с зодиакальным ожерельем никто с него не потребует. Ведь все давно уже решено. Решено его избранницей и ее предприимчивым папашей. Последний был не дурак, и он, конечно же, а кто же еще, выбрал новое рабочее место для будущего зятя. Оставалось совсем чуть-чуть. Просто немного постараться и не ударить в грязь лицом. Оправдать, так сказать, возложенные на него надежды.

Ничего, он не подведет! Он оправдает. И начнет прямо сейчас...

Девушку по имени Соня не просто привели к нему в кабинет. Ее впахнули туда. Точнее — втиснули! Сначала зашел один конвойный — двухметровый детина с гладко выбритым черепом и глазами, хоть ложкой доставай. Следом за ним растерзанная задержанная. А потом второй — такой же огромный и с таким же безжалостным лицом, что и первый.

Внимательно осмотрев задержанную, Олег недовольно поморщился.

Перестарались братишки. Покидали из рук в руки изрядно. И едва заметный синяк на скуле обозначился, и капюшон и громадный карман весь в грязи, будто ее в этой кофте по полу возили. Скорее всего так именно и было, потому как, присаживаясь на стул, девушка болезненно сморщилась.

— Что с вами? Вас били? — вдруг не к месту спросил Снимщиков, хотя не должен был спрашивать ее об этом, чтобы не провоцировать жалобы.

Последовал искрометный взгляд в сторону тюремщиков, судорожный вздох и испуганное дребезжащее:

— Не-еет.

Тогда он решил, непонятно из какого тупого упрямства, повторить свой вопрос с глазу на глаз. Вы проводил конвойных за дверь и повторил:

— Вас били? Почему вы морщитесь?

— Меня не били. — Она мотнула головой, и тут же губы ее задрожали. — Меня щупали!

— Что вас?! — изобразил искреннее изумление Снимщиков, решив уж теперь до конца быть деликатным, внимательным и сочувствующим. — Что вас, я не понял?

— Меня щупали, — почти выкрикнула Соня и стиснула коленками ладони, чтобы они не тряслись так заметно. — Мою грудь тискали, доставали из лифчика и выставляли на обозрение! Теперь вам понятно или нужны другие подробности?!

Та-аак! Девица была на грани истерики, а это никуда не годилось. Истеричная баба на допросе — что может быть хуже! Нужно было срочно спасти ситуацию, но как?

Хороший вопрос. И еще один тут же напрашивался: кто так поторопился с обработкой? Он ведь только успел вернуться от Веретина, который весьма прозрачно намекал на карцер. А тут уже и без карцера девушка того и гляди начнет биться в конвульсиях.

— Меня никогда так не унижали, никогда! — выкрикнула Соня, про себя подумав, что врать не-

хорошо лишь хорошим людям, а таким утонченным кареглазым следопытам сам бог велел. — Как посмели вообще до меня дотрагиваться?! Кто дал право этим мордоворотам касаться моего тела?! Я напишу жалобу прокурору, так и знайте! И вообще, я не стану с вами разговаривать без адвоката, вот!

Выговорились и тут же затихла, опустив голову.

А Снимщиков тут же мысленно попенял радийным тюремщикам. Ну, вот кто просил торопиться, а?! А то без них бы не разговорили красотку. Теперь вот возьмет и правда жалобу напишет, а оно ему нужно? Особенно теперь, когда он без пяти минут начальник отдела внутренних дел.

— Успокойтесь, прошу вас, Софья Андреевна, — пробормотал он как можно мягче и даже попытался улыбнуться, хотя презирал девицу дальше некуда. — Успокойтесь. Все вы успеете. И жалобу написать, и с адвокатом наобщаться. Статья у вас, скажем прямо, не очень...

— Что значит «статья»?! — Она побледнела так, что едва заметный синяк на скуле проступил особенно четко. — Какая такая статья?! Вы, что же, продолжаете меня обвинять?!

— Продолжаю, — кивнул он, откинувшись на спинку стула, скрестил красивые пальцы на животе и глянул на нее по-доброму, это тоже был один из его отлаженных трюков. — Более того... А хотите совет друга?

— А друг, стало быть, вы? — не хотела, да фыркнула она недоверчиво.

— Ну... Может, и не друг, но и не враг точно, — кивнул Снимщиков, откровенно рассматривая ее.

Девица была симпатичной. Даже очень! В меру

рослая, в меру длинноногая. Грудью ее охрана тоже любовалась не зря, посмотреть было на что. Черты лица очень тонкие и очень правильные. Такие лица, Снимщиков знал по опыту, очень фотогеничны, и ими обычно пестрят страницы женских глупых журналов с глупыми советами, типа, как удержать подле себя мужчину.

Таращит симпатичные глазенки такая вот симпатулька со страницы, а под ее портретом ровные столбцы откровенно глупого текста.

Не будь навязчива... Не открывай до конца своих чувств, должна же быть в тебе хоть какая-то загадка... Будь терпима... Иногда ранима... В меру уравновешенна, в меру страстна... Не хвали никогда ему своих подруг...

Господи! Какой бред! Кто станет следовать таким советам?! Кто сможет жить в соответствии с ними?! Да никто! Даже те, кто их придумывает! Все диктует жизнь и обстоятельства. Все, без исключения!

— Так что там с вашим советом? — не выдержав его откровенного рассматривания, спросила Соня.

— Пишите явку с повинной, — брякнул тут же Снимщиков, не меняя положения и не переставая глазеть на нее.

— Что??? Явку??? С повинной??? Вы в своем уме?!

Она просто задохнулась от такой подлости. Просто обезумела в первое мгновение, замешкавшись с ответом.

Это он ей так по-дружески, да?! Дружеским широким жестом распахивает двери темницы и ласково, опять-таки из дружеских побуждений, подталкивает ее туда, так?!

Это было много гаже, чем гадкие пальцы конвоиров на ее груди. Много паскуднее, чем их гадкие слова и предложения, которыми сопровождались их тисканья. Потому что это было подло, неправильно и совершенно не совпадало с его образом утонченного порядочного парня, каковым он ей до сих пор представлялся. Даже сейчас, предлагая ей затянуть на собственной шее петлю, он почти ласкал ее своими улыбчивыми карими глазами.

— Нет! Ни за что! — отчеканила Соня, поджимая губы и уговаривая себя вспомнить о собственной теории самодостаточности и самообладания. — Мне нужен адвокат, и точка!

— Адвокат так адвокат, нет проблем. — Олег нехотя расцепил пальцы и так же нехотя потянулся к телефонному аппарату на краю стола.

Что вот, дурочка, делает, и сама не знает! Сейчас заберут ее охранники, отволокут в карцер, а там не мед, там холод и мокрицы по стенам. Ночью кто-нибудь самый рискованный непременно к ней туда наведается и что сделает с ней, одному богу ведомо. И еще хорошо, если он один такой желающий будет.

Ну что же, ну что же... Как пожелает. Не хочет в общей камере ночевать, пускай ночует в карцере.

Снимщиков снял трубку, сделал вид, что набрал номер, и тут же заговорил деловито и проникновенно, якобы со знакомым общественным адвокатом. И даже встречу на следующее утро назначил в собственном кабинете с подследственной. Трубку через минуту положил на место, глянул на нее коротко, заметила или нет, что врет как сивый мерин. Вроде проехало. Вроде поверила его деловитому трепу. И хотя адвокат ей был и без того положен, он и будет уже

завтра у нее, разыграл все это опять-таки из желания расположить к себе симпатичную колючку.

Колючка, а то кто же! Мириться она со своим положением не хочет, а кто хочет? Кому же захочется после такого трамплина да носом об землю! Только-только госпожа Сочельникова собралась облагодетельствовать девицу, купив ей квартиру, оставив все нажитое непосильным и нечестным трудом ей в наследство, так тут такой казус в лице неожиданно ожившей дочери. Тут кто хочешь оцетинится. Тут у кого хочешь нервы сдадут. И у нее — у Сони этой симпатичной — они не выдержали и сдали. И убила она подругу...

— Я не убивала Таню! — очень ровно и очень твердо выговорила она, прервав размеренное течение мыслей Снимщикова. — Вы можете фабриковать дело, можете обвинять меня в чем угодно, но доказать... Доказать у вас не получится!!!

— Да? — Снимщиков очень ловко изобразил изумление. — Это почему же?

— Никаких следов борьбы вы не найдете, — зачем-то сказала она первое, что взбрело в голову, запомнилось, наверное, откуда-то из криминальной хроники.

— Как же так, Софья Андреевна! А синяк у вас на скуле! Разве это не след борьбы? А ваш расхристанный, пардон, вид? Это тоже не след?

— Так это же!.. — Она снова задохнулась почти до слез от его вероломства. — Это же ваша охрана, черт побери, меня лапала!!!

— Угу, угу, — кивнул Снимщиков и тут же вернул ей ее слова с гадкой ухмылкой. — Только доказать это у вас не получится, Софья Андреевна. Не получится, будьте уверены!

ГЛАВА 4

Он долго мыкался по городу в поисках той самой необыкновенной бутылки шампанского, которую ему непременно хотелось ей сегодня преподнести.

Все ведь только для нее — для его девочки, милой, нежной, сообразительной. К ней не заявишься с заурядной бутылкой за восемьдесят рэ. Это пошло! Поэтому и носился по городу на своем «Вольво», отметившем солидный юбилей еще в прошлом десятилетии.

Что-то требовалось необыкновенное, что-то удивительное для его Таисии. Да еще в такой-то вечер!..

Пока отправлял подозреваемую в карцер, пока разгребал бумажные завалы, отвечал на звонки, все думал и думал. Маялся в сомнениях, маялся, а к концу рабочего дня созрел-таки.

Или сегодня, или никогда!

Сегодня он сделает ей предложение, которое мечтал прошептать чуть ближе к экватору. Кольцо давно было куплено, с этим проблем не могло возникнуть. Оставалось прикупить немного соответствующей случаю атрибутики и...

— Привет, любимая, — шагнув через порог ее квартиры, Олег без лишних слов вложил ей в распахнутые руки шикарный букет неперенных роз и потюкал пальцем по красивому деревянному пеналу. — Доставай бокалы, дорогая.

Таисия не казалась удивленной, напротив, она светилась удовлетворением. Может, и правда давно ждала, а? А он все случая искал, место выбирал по карте, дурак!

Неподражаемо женственным жестом она при-

строила цветы на круглом столике в холле и пошла в столовую за вазой.

Да! В ее квартире все было именно так!

Не было коридора либо прихожей, был холл. Не было кухни — имелась столовая. «Зала», вылепленного десятилетиями совковым нашим сознанием, тоже не существовало. Была гостиная, стоившая десятка хрущевских залов. Еще имелось две спальни, кабинет и крохотный будуар, куда два раза в неделю прибегали услужливые парикмахеры, массажистки и маникюрши.

Да, с таким шиком, размахом и в таком довольствии жила его любимая Таисия. И... он так тоже жить хотел.

— Милый, что у тебя в коробочке, вино или шампанское? — пропела Таисия из столовой, тоненько позванивая посудой.

— Шампанское, милая, — на подъеме ответил Снимщиков.

Быстро глянул на себя в зеркало, провел пятерней по волосам, задрал руку, принялся, потом вроде не успел пропахнуть за длинный рабочий день. Немного покрутился перед зеркалом, оглядывая себя сбоку, спереди и, насколько позволял угол зрения, сзади. Чуть поправил рубашку, засунув выбившийся край под ремень брюк, снова слегка прошелся пальцами по волосам и тогда только пошел в столовую, откуда сегодня должно быть положено начало его новой жизни. Правильнее, их новой совместной жизни. Он, конечно, последние пару месяцев почти уже переехал к Таисии, перевез кое-что из личных вещей, пристроил свою зубную щетку рядом с ее на полочке в ванной. Но это все было не то! Это не давало ему ощущения полного обладания. Да и полно-

правным хозяином в ее квартире он не мог себя чувствовать, пока находился здесь на птичьих правах. А вот когда они поженятся...

Что будет после того, как они поженятся, Олег пока представлял смутно. Но что-то хорошее должно будет начаться, что-то надежное, стабильное и красивое, это точно.

Он остановился у входа в столовую и замер, не сводя глаз с любимой.

Она была необыкновенной — его Таисия. Очень высокой, тоненькой, с гладкими темными, почти черными волосами, всегда распущенными по плечам. Никогда еще Олег не заставлял ее в халате, с выглядывающей из-под подола ночной сорочкой. И это ему очень нравилось в ней. Утонченный домашний костюмчик, а их у нее насчитывалось с дюжину, — это то, что она себе позволяла. Домашние туфли на тоненьком каблучке и никаких тебе разношенных мягких тапочек с нелепыми кошачьими мордами. Аккуратные ухоженные пальчики, нежные щечки, гладкий лоб, не стесненный морщинами, совершенно прямая спина, упругий плоский живот с крохотным бриллиантом в пупке...

Разве не о такой женщине мечтает каждый мужчина?! Мечтает каждый, а досталась ему одному! Ура, ура, ура!!!

Переступая порог столовой, Снимщиков совершенно точно знал, что его самое большое счастье стоит сейчас к нему спиной и с неторопливой деловитостью накрывает шикарный стеклянный стол — последнее приобретение ее отца — к ужину.

Высокие бокалы тонкого стекла. Накрахмаленные салфетки, свернутые изящным затейливым треугольником. Две свечи в изысканных подсвечниках...

Господи! Как же он всегда хотел именно этого! И именно к этому всегда стремился, перебирая женщин, пока не нашел одну-единственную. Ту, с которой намеревался прожить остаток своей жизни.

— Все готово, — ровным спокойным голосом произнесла Таисия, повернулась к нему и попросила с улыбкой: — Будь добр, принеси цветы. Думаю, они тут будут к месту.

В два прыжка преодолев расстояние, Олег схватил букет со столика в холле и вернулся с ним в столовую, с не меньшей торжественностью повторив вручение.

Таисия осторожно освободила букет от яркой шуршащей упаковки. Обрезала стебли, обобрала нижние листья, очень точным движением расставила розы в вазе. Водрузила ее в центр стола и, сцепив пальцы у подбородка, снова улыбнулась.

— Кажется, все. Можно к столу.

Он уселся на ставшее привычным место напротив входа, спиной к окну и еще какое-то время с умилением наблюдал, как Таисия выкладывает на тарелки огромные, будто лапти, куски мяса. Поливает их соусом, запах от которого аппетитно щекотал ноздри. Ставит стеклянную миску с салатом, предварительно переворотив овощи длинными деревянными лопаточками. Затем снимает кружевной передник и усаживается напротив него.

— И? — Ее брови вопросительно изогнулись. — Кажется, у нашего Олега был заготовлен тост?

— Д-да-а! Да, конечно!

Он неожиданно смутился и тут же сделался неловким, некрасиво выцарапывая заветную коробочку из кармана брюк. В голову тут же полезли трусливые мысли. А не слишком ли дешевым окажется

кольцо для нее? Вдруг не понравится? Или не будет ли забраковано ее отцом, состояние которого оценивается местной прессой...

А, да ну, и неважно, забракует ли он его! Важно то, с какой нежностью смотрит сейчас на него она — его девушка!

Достал наконец, покраснев и вспотев так не к месту. Трясущимися пальцами распахнул бархатную крышечку и тут же потянулся через стол к ее нежным ухоженным рукам.

— Милая... Черт! Я так мечтал подарить тебе его в другой обстановке! Так хотел увезти тебя куда-нибудь! Туда, где мы будем совершенно одни и...

— Мы одни, Олег! — изумилась Таисия, не сводя восхищенного взгляда с кольца.

Неужели понравилось?! Слава богу! Слава богу!..

— Таечка, девочка моя! Ты согласна... Ты согласишься стать моей женой?

Олег поймал ее правую руку, поцеловал и тут же, выудив кольцо из тонкой прорези мягкого бархата, попытался надеть ей на палец. Тонкая металлическая дужка скользила и все норовила выскользнуть, а пальцы Таисии неожиданно оказались холодными и совершенно лишенными гибкости. Наверное, она тоже очень волновалась. Так же, как и он.

Наконец кольцо скользнуло по пальцу и прочно заняло отведенное ему судьбой место. Только тогда Олег осмелился глянуть на нее.

— Ты... Ты согласна, любимая? — повторил он вопрос, не дождавшись ответа на первый.

— Да, но... — ее взгляд перескакивал с предмета на предмет, совершенно точно избегая смотреть в его сторону, — мы не слишком торопимся?

— О чем ты, милая? — растерялся Олег. — Мы

же любим друг друга, это же очевидно! Я почти уже переехал к тебе и...

— Хотел соблюсти приличия? — подсказала она с неожиданной надеждой в голосе. — Так это совершенно необязательно.

— Приличия тут ни при чем. — К его растерянности добавилась паника, а потом и неприятное ощущение, что его предложение совершенно не было долгожданным, и ему завуалированно, но отказывают. — При чем тут приличия, дорогая?! Я очень люблю тебя и хотел бы остаток жизни провести с тобой!

— Так и проводи. Зачем же торопиться? — возразила она с вполне искренним изумлением. — Знаешь... Брак — это не то, что нам... мне сейчас нужно. Мне тоже очень хорошо с тобой, но вот про остаток жизни я как-то еще не думала, понимаешь! Когда ты вошел с бутылкой дорогого шампанского, с цветами, я очень обрадовалась, но я подумала, что это по другому поводу.

— По какому?

— Я думала, что мы собрались отпраздновать твое новое назначение, которое не за горами, — оправдывалась Таисия, нервно покручивая кольцо на пальце. — Твое предложение меня совершенно загнало в тупик, и я... Я даже не знаю, что тебе сказать, что ответить!

— Другими словами, ты мне отказываешь? — Он хотел бы говорить с ней ровно, но голос предательски дрожал.

Черт возьми! Он был так окрылен! Так мечтал, строил планы! Совершенно справедливо полагал, что раз она печется о его карьере, значит, так же, как и он, видит в нем своего спутника жизни. А все не так! Все много прозаичнее. Она, оказывается, совсем

не думала о будущем, живя настоящим. Да и кто ответит: есть ли ему место в ее будущем, полном роскоши и удовольствия?..

— Я не то чтобы отказываю тебе, — начала Таисия, осторожно подыскивая слова.

Она разнервничалась. Ей абсолютно точно не хотелось его обидеть, в этом она была уверена на все сто процентов. Но она с такой же уверенностью могла бы заявить сейчас, что не хочет замуж. И не хочет замуж именно за Олега Снимщикова, хотя он и без пяти минут начальник отдела внутренних дел их микрорайона. Она даже допускала мысль, что это не последнее высокое кресло, в которое опустится его великолепная задница. С такими данными, как у Олега, да еще при поддержке и попустительстве ее папочки, у парня впереди довольно-таки широкая и светлая дорога. Причем дорога вверх.

Но ведь папочка помогает ему совершенно не из тех побуждений, о которых размышлялся Олег. Совершенно! Папочка просто очень любит обрывать своими людьми в силовых структурах, вот и...

Но ведь если она ему сейчас об этом скажет, то это значит... полный и окончательный разрыв их отношений. А она этого тоже не хотела. Ее они вполне устраивали на данный момент. Ей было с Олегом удобно и необременительно. Он был достаточно умен, обходителен, чертовски хорош собой и просто неподражаем в сексе. Его не стыдно было показать друзьям и знакомым отца. С ним было весело на вечеринках. Он был предупредителен и... И все равно это совсем не то, из-за чего выходят замуж.

В ее планы совершенно не входило чистить его засаленный на воротнике китель и ждать с бесконечных дежурств и заседаний. Бояться и пережи-